

Глава 1

Мия

Она проснулась, громко всхлипнув, и села рывком. Сердце колотилось как сумасшедшее, тело дрожало, а в уши будто ваты набили — до того тихой показалась комната после шумного сна. Чужого сна.

...воплъ матери до сих пор отдавался болью в теле. Крутил внутренности и звенел в голове. Лиза упала на колени в желто-серый песок и зарыдала.

— Вставай!

Сестра вцепилась не хуже бульдога, потянула. Лиза затрясла головой.

— Вставай же уже! Иди!

Идти не хотелось. Хотелось лечь рядом с мамой и больше не шевелиться, не чувствовать. Как она.

Мия крепко зажмурилась, провела ладонями по лицу, стирая слезы и пот, а вместе с ними и липкую паутину кошмара. Опять Лизкины сны которую ночь спать не дают. Будто своих мало.

Реальность вползала в нее медленно, включала звуки и запахи. Тихий храп кого-то из приболевших девчонок, ровное дыхание Маргариты на соседней лежанке. Пахло деревом, смолой, сушеными травами, дымом и немножечко п^отом.

Тихо, замирая от каждого шороха и скрипа матраса, набитого сеном, девочка сместилась вниз. Встала, придерживаясь за доски над головой — на втором ярусе тоже спали, — и перешагнула через ноги Алины.

Деревянный настил здесь был широченный, и ложились по двое. Шестеро внизу и четверо наверху. У другой стены, на мужской стороне, были такие же лавки с матрасами, с той лишь разницей, что не висели перед ними полотно ткани, изображая мнимое уединение. Посередине очаг и две основательные скамьи, у стены — сундуки для одежды. Вот и все убранство общей спальни.

Мия коснулась босыми ногами пола, поежилась. Весна к концу идет, а ночью порой холодно, как в середине марта. Зашарила по полу, разыскивая кожаную обувь. Каждый вечер она ставила ее перед своей постелью, но так редко находила потом на месте: кто-нибудь обязательно сбивал, путая свое и чужое.

Широкая занавесь, почти в размах ее рук, подсвечивалась рыжим: кто-то встал среди ночи и подбросил в очаг дров.

Интерес, досада, волнение — чужие эмоции коснулись ее невесомым дыханием. Пальцы замерли у щиколотки, так и не затянув шнурки. Затылок будто чесался от постороннего взгляда.

Мия задрала голову вверх. Линда смотрела, свесившись с лежанки. Темно-рыжие волосы пушились вокруг головы, а глаза, днем зеленые, сейчас казались черными.

— Опять сны? — едва слышно спросила девушка.

Мия кивнула, прикусив губу. Почти месяц прошел, но всем продолжало сниться тревожное — тот день и прошлая жизнь. Даже мальчишкам. Даже тем, кто не признавался.

— Милая моя. Хочешь, вместе полежим? Лезь ко мне, только тихо, чтобы Хильда не разоралась.

Снова лечь? Ну уж нет. Не сейчас. Горечь чужого сна забила горло, и ей нестерпимо хотелось...

— Пить, — хрипло выдохнула она. — Я хочу пить. И на воздух.

Вместо ответа Линда спрыгнула вниз. Легко, едва слышно. Лишь качнулось от порыва полотно да мелькнули голые ноги. Оправила рубаху и улыбнулась. Мия, отдернув полог, шагнула прочь, на общую середину.

Замерла, ожидая окрика Хильды, старой хромой ведьмы, что присматривала за девочками и спала тут же,

на скамье. Но было тихо, и Мия поежилась. Зябко и очень тревожно, но почему — не понять.

— А ведьмы-то нашей нет, — громким шепотом возвестила Линда, которая скользнула мимо девочки, обдав теплом с запахом ромашки и мяты. — И Торна тоже. Странно все это.

Странно — не то слово. Торн, воин тэна Рейнара, пожилой, но еще крепкий мужчина, ночами предпочитал сон. Хильда же и вовсе от девушек далеко не отходила и все ворчала, что не ткань у постелей вешать надо было, а стену ставить. Да покрепче. Столько юнцов в одном доме — не к добру.

Мия вздыхала и мысленно с ней соглашалась. А еще — мечтала о собственном уголке, пусть чуланчике, но отдельном.

Ей и раньше-то было сложно с людьми, чужие эмоции липли настойчиво, порой накрывая с головой. А тут... Двадцать ребят в одной комнате, а с ведьмой и воином и того больше. И для местных многовато, а уж для деток иного мира вовсе чересчур.

Иногда все эти люди казались девочке единым существом, многоруким и многоногим, дышащим невпопад, чихающим, стонущим и храпящим.

Иногда казалось, что она сойдет здесь с ума.

— А давай-ка ты в кровать вернешься, а я за водой схожу, — предложила Линда.

Пальцы ее взлохматили рыжую гриву, и без того растрепанную, взгляд просверлил дверь, ведущую на хозяйственную часть дома.

Волнение, и азарт, и самая капелька страха — как приправа для ощущений. Чувства девушки, кажется, передались и ей, и Мия мотнула головой.

— Я здесь не останусь, — прошептала она.

Линда шагнула к своей лежанке и через минуту уже вернулась, в штанах и подпоясанная. Щеки Мии полыхнули жаром, она кинулась к своему месту — натянуть юбку. Сейчас бы из комнаты в одной рубашке выскочила! И пусть та закрытая и до середины бедра, но по местным меркам в таком виде ходить жуть как неприлично.

— Идем, — сказала Линда и шагнула к двери.

Заботливое участие, интерес, легкая злость. Мия протянула руку, чтобы коснуться спины Линды, но предупредить не успела.

— Лин.

Та вздрогнула и обернулась. Взгляд девочки заметался от Виктора, его синих глаз, в которых чудился укор, к зеленым глазам Линды, сердито сощуренным, полным негодования. Упал на ладони девушки, скользнул по стали ножа. Мия на вдохе ахнула, пальцы взлетели к губам, гася вскрик. Витька хмыкнул.

— Опять за нож хватаешься?

Девушка вздернула подбородок.

— И что? Мне так спокойнее. Я же не Марго.

— Да, ты не Марго, — согласился парень. — Собрались куда?

— Не твое дело.

Виктор вздохнул.

— Лин, не начинай, а?

Девушка фыркнула, ладони ее уверенно отправили оружие в ножны на поясе. Нож полагался каждой взрослой свободной девушке, но только Линда хваталась за него с такой охотой.

— Ни Хильды, ни Торна, — задумчиво проговорил Виктор. — И Дениса увели.

— Чего?!

Одна из девчонок тоненько вскрикнула во сне, другая на нее заворчала.

— Тише ты! — шикнул на девушку парень, — всех перебудишь...

Он сказал что-то еще, но Мия его уже не слышала. Сердце бухнуло, пульсация затопила тело, отдаваясь глухими ударами в ушах. Девочка хватанула ртом воздух, задыхаясь, пытаясь не поддаваться панике. Качнулась, и под колени ткнулась скамья. Рухнула на нее, вцепилась пальцами в край, неумело выстраивая барьер, но волна, липкая, мерзостная, уже схлынула. Быстро, словно и не было ее.

— Ты чего?

Линда уселась рядом, красивое лицо исказилось тревогой. Мия сморгнула слезы.

— Не знаю, — прошептала она. — Там... что-то творится. И мне надо на воздух.

Парень с девушкой переглянулись и, не сговариваясь, повели — едва не потащили — ее к выходу.

За дверью, в общем зале, было тихо, похрапывал только, прикорнув на лавке, кто-то из воинов. Еще два голоса слышались от угла, где хранили воду в бочках, и Мия, шепча заветное «пусть нас не увидят», обогнула столы со скамьями и шагнула за порог.

— Ну как, легче?

Девочка глубоко вздохнула.

— Да, но...

Ночной воздух, пахнувший свежестью, соснами и дымом жаровен, едва не звенел от творимой магии. Повела пальцами, будто окуная их в поток, и нахмурилась.

— Плохо, — уронила она и облизнула пересохшие губы. — Если бы магия была водой, я бы сказала, что она соленая и пахнет металлом. И...

— Кровью, — произнес Виктор.

Девочка метнула на него взгляд. Тоже чувствует? Нет, не может быть.

— Иди-ка в кровать...

— Нет.

Она не стала объяснять, что чувствует за спиной чужое недоумение: вроде и видел кого, но — кого? И видел ли? Но назад сейчас не вернуться, такие трюки легко не выходят. А значит, надо идти вперед.

Туда, откуда магией «пахнет».

Зачем? Сама себе бы не ответила.

Она метнулась от двери, двигаясь вдоль стены. За спиной чертыхнулись тихо, в несколько шагов догнали. За руки хватать не стали, и на том спасибо.

— Там, — сказала она, огибая очередной сарай и останавливаясь на границе света.

Маленькая деревенская площадь, на другой стороне — дом, старый, длинный, на невысокой крыше трава проросла. Не дом, а сарай для скота какой-то. Может, таким и был — до всего этого.

— И что там? — нетерпеливо спросила Линда.

Мия стиснула пальцами плотную ткань юбки. Она могла бы сказать, что людских эмоций так далеко не чувствует, а в магии, как Павел или Рита, не разбирается. Да и что

магия эта — грязная, на крови замешенная — там есть, поручиться не может.

— Не знаю, — ответила Мия и опустила голову.

От Линды дохнуло раздражением, но девушка быстро взяла себя в руки. Улыбнулась, шепнула:

— Ничего. В любом случае это интересно.

Мия скривилась. Все они считали ее если и не больной, то... с особенностями. И Линда не исключение. Девушка была неизменно доброжелательна, но всегда так осторожна, словно опасалась ненароком обидеть или спровоцировать паническую атаку. Это умиляло и бесило одновременно.

— Хильда.

Девочка вздрогнула, оглядываясь, и Виктор кивком указал на дом-сарай. Дверь уже закрывалась, но Мия успела разглядеть в освещенном проеме знакомый силуэт. Ведьма захромала через площадь, мимо жаровни, у которой грелась парочка мужчин. Огонь выхватил из темноты ее наряд — сапоги на шнуровке, какие бывают у воинов и охотников, синяя шерстяная юбка, рубашка и шолла — накидка-фартук с двумя большими карманами. Женщина сделала пару шагов, и осветились темные с проседью волосы под косынкой и лицо: крупный нос, губы, сжатые в линию. Черные глаза глянули, казалось, прямо на Мию, и девочка шарахнулась в тень. Сердце бухнуло, заколотилось.

— ...Мия, — донеслось как сквозь вату.

Виктор схватил за плечи, развернул к себе.

— Слышишь меня?

Она медленно кивнула.

— В комнату возвращайся. Только не здесь, а через конюшню. Увидит кто — говори, что приспичило выйти, заблудилась. Поняла?

Легонько сжал ее плечи, и она будто очнулась.

— Я не смогу. Я врать не умею.

— Самое время научиться, — пробормотала Линда.

— А вы?

Парень глянул на девушку, та высунулась из-за угла и, шипя что-то недоброе, сразу же отпрянула.

— Не успеет.

— Мы отвлечем, — сказал Виктор, и губы его дрогнули в шальной усмешке.

Девочка кивнула, с изумлением наблюдая, как рука парня скользнула Линде на талию, притянула ближе, уверенно, словно это дело обычное. «Сейчас огребет», — болезненным любопытством застучало в голове. Врежет она как пить дать, или словом, или чем-то более материальным. Кулаком, например.

Не врезала.

— Беги уже.

Ладошка Линды пристроилась на плече у Вика.

— С ума сойти, — прошептала Мия и, держась стены дома, быстро зашагала к воротам сарая, приспособленного под конюшню.

За спиной послышался гневный окрик Хильды, голоса ребят, которые виновато оправдывались. Девочка не обернулась, сосредоточилась лишь на ощущениях и дороге. Небо на востоке светлело, следовало спешить. Джеррские ночи в конце весны короткие, а летом солнце и вовсе едва заходит. Север, что тут скажешь.

Вот и конюшня. Обогнуть ее, пройти огородами вдоль частокола — на этом участке охрана редко встречается — и окажешься возле дома. Дома... эх! Мия замерла, ткнулась лбом в стену. Тихо, как же там тихо! Тепло, темно, тихо. Спрятаться бы ото всего. Зажмуриться и поверить, что, когда откроешь глаза, все исчезнет, словно дурной сон.

Нет. Не выйдет.

Она — здесь. Сейчас. И надо бы не высовываться из спальни, даже если не спишь. Сидеть тихонькой мышкой, притворяться, что все нормально, что она всем довольна и странные сны и ритуалы не смущают совсем.

Ей не нужны ответы.

Но она — здесь. И может что-то узнать. Не для себя, для других. Для Витьки, что таится, но тянется к истине. Тимура, вечно хмурого, с закрытыми для нее мыслями, но такого открытого в остальном. Линды, что мечется, не доверяя своей памяти, не зная, где истина, а где ложь. Для тех, кого считает друзьями.

Девочка выпрямилась и двинулась вдоль стены. Со всем не в ту сторону, куда собиралась вначале: за углом

была деревенская площадь, вовсе не огороды. Вдохнула, выдохнула, успокаивая биение сердца.

Тут пьют, там ругаются, на смотровой вышке отчаянно хотят спать. Магия вновь густо разлита в воздухе, от старого дома-сарая просто разит.

— Я не герой, — выдохнула девочка и пошла дальше.

Ноги, словно чужие, понесли вперед, мимо мужчин у огня к старому дому с заросшей травой крышей. Кто-то окликнул, она сделала вид, что джерра не понимает, да и вообще слышит плохо. «Раз-два-три-четыре...» Считая шаги, как по ниточке, шла она к дому, а взгляд ловил детали. Чья-то ладонь на рукояти меча, топорик с гравировкой за поясом, кожаные браслеты на предплечьях, кольцо с варварски огромным рубином, но не на пальце, а на шейной гривне. Волосы, распущенные или забранные в низкий хвост, бороды, короткие и подлиннее, заплетенные в косы. Колючие голубые глаза. Запах пота, лошадей и алкоголя. Сила и ярость, которая как бойцовский пес на коротком поводке: стоит лишь спустить — порвет всех.

Она подошла почти вплотную, чувствуя, как ее, такую маленькую, обступают кругом эти медведи, удивленные, раздраженные, но еще не злые.

— Чего надо?

Повернула голову влево, взгляд уткнулся в широкую мужскую грудь. Старенькая, но чистая льняная рубаха с затейливой вышивкой, шерстяной плащ, заколотый фибулой. Посмотреть выше не решилась. Собственный голос был похож на писк:

— Грен Лусар нужен.

— Занят.

Куснула губу, вдохнула прерывисто. В глазах дрожали слезы.

— Очень нужен.

Ей и вправду хотелось плакать — от холода, жажды и страха. Но лишь передернула зябко плечами и задрала голову, заглядывая в глаза. Мужчина поморщился, буркнул что-то на джерре и исчез в доме.

«Пожалуйста, только не говорите со мной! Не обращайтесь внимания...» — взмолилась мысленно Мия и приготовилась к долгому ожиданию. Но дверь распахнулась

быстро, пропуская воина обратно. Девочка вытянулась, скользнула взглядом внутрь в надежде что-нибудь рассмотреть. Плотный дым клубами по полу, спины мужчин, светло-рыжая шевелюра — уж не Юлина ли? И еще один человек, чье появление заставило сердце прыгнуть к горлу.

Раздражение и досада — яркие, живые эмоции. Коснулись на миг, и тут же он закрылся, будто вспомнив, с кем имеет дело.

— Мия?

— Д-да, — отозвалась девочка и встретилась взглядом с мужчиной, прикрывшим за собой дверь.

Глаза грена Лусара, большие, карие, смотрели внимательно и, казалось, лезли в самую душу, выворачивая наизнанку. Она моргнула, уставилась на нос. Хороший нос, прямой и с небольшой горбинкой, как у римских статуй в Эрмитаже. Говорят, у всех таэлийцев такой. А рот неприятный, с губами пухлыми и какими-то немужскими. И сам маг хоть и нетолстый, но холеный, мягкий на вид. Подбородок брит, темные волосы аккуратно стянуты в низкий хвост. Одежда богатая, густо украшена вышивкой, на груди рядами цепи с подвесками. Сразу видно — не воин. Не то что местные.

На нем ее чутье всегда пасовало, оставляя лишь сухость во рту и неясную тревогу.

— Ты искала меня?

— Да.

— Зачем?

Мия облизнула пересохшие губы.

— Я... не знаю. Мне тревожно. Опять эти сны. Снова тот день...

Она замолчала, комкая в ладонях ткань юбки, понимая: заговорила о том, что волнует. Что никак не перестанет волновать. Мужчина кивнул, призывая продолжить. Мия вздохнула.

Да, тот день, для кого-то обычный — середина лета, жара, каникулы, — для нее оказался переломным. В город она выезжала редко, а тут — решили. Мие неделю как четырнадцать исполнилось, а с подарком она так и не определилась. И... бабушка настояла, да еще и Марту Ивановну с ней отправила. В торговый центр, по магазинам прогуляться, развеяться.

Хорошо хоть сама не поехала, иначе девочка потеряла бы их обеих.

Поначалу все было весьма неплохо, даже люди — веселые или раздраженные зноем и своими проблемами — не очень пугали. Да и не так уж их много было, разве что возле кинотеатра, где опять показывали что-то новое, крутилась молодежь. Марта Ивановна двигалась, словно крейсер: от книжного мимо фудкорта к магазину для творчества. Мия тащилась следом. По нервам, вечно оголенным, били чужие эмоции.

Миг, когда все изменилось, кажется, уловила она одна. Раз — и к обыденной круговерти словно прибавился чей-то взгляд, недобрый, внимательный. Девочка споткнулась, заозиралась в попытке найти его, а найдя — укрыться подальше. Стало душно, будто разом все системы переключились на обогрев. Подул ветер, вздымая пыль, ноги увязли в песке. В песке?! Мир, такой простой и привычный, качнулся, стал рыжим и зыбким, и другие люди наконец-то это заметили. Женщина с малышом, столик которых они только прошли, закричала, громко и страшно, и крик этот резанул по ушам. Мия дернулась с места, каким-то чутьем ощущая: тот свет впереди — единственный выход.

Ветер рвал волосы и сушил слезы, вбивал воздух в горло, мелкие камешки секли кожу, а девочка шла и шла сквозь эту пыльную бурю. Не оглядываясь. Не пытаясь понять. Почти не слушая крики других людей. А они кричали. Визгливо и на надрыве — женщины, зло и болезненно — мужчины. Обреченно ревели малыши на детской площадке. Замолкали слишком быстро, и Мия запретила себе даже смотреть на них.

Она не могла помочь.

Ничем.

Никому.

Знание это пришло вместе с тем взглядом, что давил со всех сторон, вместе с ветром и зноем, вместе с болью, пронзающей тело, и все, что ей оставалось, — идти. Двигаться к мутной цели в надежде остаться в живых.

— Что ты молчишь?

Девочка разлепила пересохшие губы, выдохнула: